

**Кабул, Москва:
дело сделано...**

Глава шестая

Пусть среди кровавых ббев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!..

Денис Давыдов «Бурцову»

I

Теперь Минздрав предупреждает:
«Куренье *вроде бы* вредно!»
На караван собака лает,
Но караван-то всё равно
Идёт вперёд своей дорогой,
Себя не утруждая склокой.
К чему об этом говорю?
Позвольте, чуть перекурю.
Моё дымило поколение:
Минздрав тогда не выступал,
А Минсельхоз *план* догонял,
Весьма способствуя куренью,
А также пьянству и т. д.,
Чем занималось МВД.

II

А после столь крутых разборок
Ну как, друзья, не закурить?
Ведь никаких недоговорок
Старался я не допустить.
Табачный сорт не называю,
Чтоб не было мне нагоняю
За то, что якобы зараз
Вам рекламирую «Пегас»
Иль «Мальборо», «Парламент», «Яву».
Как напрочь скисшее вино,
Оно мне вовсе не нужно:
Чего уж там хвалить отраву?
Пока свой ублажу порок,
Вы почитайте между строк...

«К событиям в Афганистане27–28 декабря 1979 г.»

<...> На волне патриотических настроений, охвативших довольно широкие массы афганского населения в связи с вводом советских войск, осуществлённым в строгом соответствии с положениями советско-афганского договора 1978 г., оппозиционные Х. Амину силы в ночь с 27 на 28 декабря с.г. организовали вооружённое выступление, которое завершилось свержением режима Х. Амина. Это выступление получило широкую поддержку со стороны трудящихся масс, интеллигенции, значительной части афганской армии, госаппарата, которые приветствовали создание нового руководства ДРА и НДПА <...>

Ю. Андропов, А. Громько,
Д. Устинов, Б. Пономарёв
31 декабря 1979 г.

№ 2519-А

III

Друзья, позвольте отступление

Я в этой сделаю связи.

Не чтоб читать нравоученье:

С подобным — Боже упаси!

Но привнести потребно ясность,

Коль наступила как бы гласность

У нас в Отечестве давно,

Да всё равно в мозгах <темно...>.

В тех пропылённых документах,

Что я представил нынче вам,

В решениях, куче телеграмм,

Ложь возросла в таких процентах,

Что невозможно подсчитать:

Заврались все — <ядрёна...> мать!

IV

Вы скажете, мол, это в прошлом.
Но, к сожаленью, всё не так:
Сегодня и в романе* пошлом
Увидеть можно этот брак,
Он есть в учебниках для школы**.
Порой подобные приколы
В парадных слышатся речах.
Увы, но глупости размах
Весьма широк у нас поныне.
А скажешь честно: «*Это хрень!*» —
Сам превращаешься в мишень.
По этой лишь простой причине
Завёл я данный разговор:
Со скудоумьем перебор.

V

Что, публицистика достала?
Так сокращаюсь по чуть-чуть,
Чтоб вы добрались до финала
И умудрились не заснуть.
Увы, смешного здесь немного,
Коль подходить излишне строго.
Пусть не всегда уместен смех,
Но и унынье — тяжкий грех.
Поищем, братцы, середину,
А впрочем, нет: порой она
Своим спокойствием вредна,
Ну а в поэзии вершину
Без ярких красок не возьмёшь —
Во! Так-то, блин, ядрёна вошь!

* *Абдуллаев Ч.* Уйти и не вернуться. Моё прекрасное алиби. Романы. — Ростов-на-Дону, 1996; *Проханов А. А.* Дворец: Роман. — СПб, 2002.

** *Данилов А. А., Косулина Л. Г.* История России, XX век. — 2-е изд. — М., 1996. С. 325; История России. Советское общество. 1917-1991. — М., 1997. С. 398-399; *Щетинов Ю. А.* История России. XX век: Учебное пособие. — М. 1999. С. 314 и т. д.

VI

Когда разжалась вся пружина,
Когда утих «девятый вал»,
В Кабуле, во дворце Амина,
Наш караул десантный встал
Из той известной всем девятой
Гвардейской роты полосатой.
Её отважный замполит,
Коль комендант, без волокит
Здесь разместился в главном зале —
Простой советский лейтенант.
Освободитель, оккупант?
Да, *Павловым** его все звали.
Припоминаю — Сталинград:
Там тоже *Павлов*** был — солдат.

VII

Ах, да! — ненужное сравненье,
Ещё сомнительней вопрос.
Неразрешимо у р а в н е н ь е?
И с прочим явный перекосяк:
«Дом Павлова» стоит на Волге,
В краю родном. Но кривотолки
Здесь тоже шли, гремел скандал,
Что тот Герой монахом стал***.
В стране марксизма-ленинизма
Такое было не понять,

* *Павлов* Юрий Михайлович — замполит 9-й пдр 345-го гв. опдп, гвардии лейтенант. Выпускник Новосибирского ВВПОУ.

** *Павлов* Яков Фёдорович — Герой Советского Союза, сержант. В Сталинграде оборонял дом, получивший название «Дом Павлова» (1942).

*** В народной молве до сих пор бытует подобное убеждение, хотя монашеский постриг принял однофамилец Я. Ф. Павлова, также герой-фронтовик.

Мол, многие, постигнув рать,
Не отошли от атеизма.
Хотя навряд ли это так:
Без веры на войне — дурак.

VIII

Грех лейтенанта проще: ныне
Он — комендант дворца Тадж-Бек.
— Известно, это на чужбине,
А он-то русский человек.
«Вот если бы убили в Бресте,
Под Ржевом... — так достоин чести,
Но он в Кабуле и живой —
Вот потому и не герой!»
Такие часто пересуды
Услышать можно до сих пор,
Но это как бы и не спор,
А откровения Иуды.
Два Павлова, *один* — Герой, —
Солдаты Родины одной.

IX

Афганистан. Кабул-столица.
Встречают нынче Новый год.
Теперь-то можно чуть взбодриться —
Истории повернут ход.
Как будто в некоем водевиле
Сидят спецназовцы на вилле:
Отмыты руки... Сбита пыль,
А вот открыта и бутылка.
Тост произносят за погибших,
Бойцы встают и молча пьют*,
Чуть закусили и поют.
Из тихих голосов осипших
Слагается недружный хор —
Слова я помню до сих пор...

* Первоначально в ДРА в память о погибших провозглашался первый тост, потом — третий.

♪ Собралась в Кабул дружина
(Песня за бригаду таки из Одессы)^{XVI}

Собралась в Кабул дружина.
Не грусти, не плачь, жена:
Штурмовать дворец Амина
Нас направила страна.
Без тылов и без обозов
Прилетели мы в Афган,
Все одеты под сарбозов,
Под типичных басурман.

♫ Прпев:

Ни к чему нам политесы:
Мы – бригада из Одессы.
Нам семь бед – один ответ,
Трое сбоку – ваших нет.

Прошмонали всю окрестность,
Где заставы, где посты,
Так вспахали эту местность,
Что в мозолях животы.
Новый год всё ближе, ближе –
Не пора ли начинать?
И дана команда свыше:
«"Шторм!" Вперёд, <ядрёна...> мать!»

♫ Прпев.

Прорываемся к Таж-Беку
И в обход, и напрямик,
И Амину-чебуреку
Враз мы делаем кирдык.
Вот и всё: «Ура спецназу!» –
Точно выполнен приказ.
Возвращаемся на базу,
Где давно заждались нас.

Прпев. ≡≡≡

...Нам семь бед — один ответ,
Трое сбоку — ваших нет.

Х

Так песни старые тут снова
Вставали в строй из прошлых лет:
Их музыкальная основа
Афганский обрела сюжет.
Ведь не дождались от поэтов
Мы ни поэм и ни куплетов,
И композиторов сюда
Не заносило никогда.
Ах, да! — являлись журналисты:
Не <обмарался...> кто — *х е р о й*,
И каждый третий — нам судьёй.
Они здесь были как туристы,
Но груз войны лежал на нас,
Да не о том сегодня сказ.

ХІ

А впрочем, нет — об этом тоже.
Ведь не открою вам секрет,
Что даже, <блин...>, для мест отхожих
Иных не пользуют газет.
В том полбеда, коль журналюги
Про *личные* свои заслуги
Всё пишут: надо знать стране,
Кто *засветился* на войне!
Пушкой потешат самомненье,
Мол, вроде сам «Химингивей»¹
Не подавал так новостей.
Но нам бы было утешенье,
Чтоб хоть чуток они наш хлеб
Вкусили — поумнели все б.

XII

Как вилла? — Да одно название:
Здесь вовсе не имперский стиль.
Пригодное для боя зданье
И — слава Богу! — не утиль.
Всё без излишних притязаний:
Есть что-то от кают-компаний,
А что-то от казармы тут —
Весьма бесхитростный уют.
Буржуйка согревает как-то
Всех в круг собравшихся бойцов.
По повелению часов
Назначена кому-то вахта,
А кто-то может отдохнуть:
«Когда домой в обратный путь?»

XIII

Бойцы гуляли, веселились,
Глушили капель враз по сто:
Они живыми возвратились
С другого света только что.
Сегодня... все они — герои,
А пьянки эти — не запои —
Обыкновенный отходняк,
Чтоб не снесло зараз крышак
От передряг переворота:
Они постигли первый бой,
Потом всё станет не впервой —
Вполне обычная работа.
Карпухин, в руки взявши шлем,
Сказал негромко как бы всем:

XIV

«В ЗШ попали пули прямо.
Охранник засадил в упор.
Сподобил Бог, увижу маму,
Чуток бы ниже...» — Разговор

Запнулся вдруг на ноте грустной,
Потом Поддубный: «Будь мне пусто!
Шёл в первой штурмовой волне,
А ни царапины на мне.
Поздней изрешетили брюки,
Когда в дворец, кому не лень,
Палили все — такая хрень».
Ещё прибавил: «По науке,
Так странно, что не вышли в ноль,
Живыми выбрались оттоль».

XV

— Бояринова жаль, ребята, —
Промолвил кавторанг* Козлов,
Потом добавил виновато: —
И всех погибших пацанов.
«Пускай земля им будет пухом! —
Сказал Плюснин, собравшись духом. —
Хоть приказала так страна,
Но всё ж — огромная цена».
— Всё верно, брат, — майор Семёнов
Вступил неспешно в разговор, —
Мы шли судьбе наперекор
И не жалели тут патронов.
Быть может, кончится вражда,
А коль возникнет вновь нужда...

XVI

Романов, что начальник «Грома»,
Коллегу невзначай прервал:
«У детворы в Союзе, дома,
Шумит, наверно, карнавал.
Там Новый год, веселье ныне,
Им невдомёк, что на чужбине...

* Капитан второго ранга (сокр.)

Умолк Романов на чуток,
И вновь знакомый тенорок:
— Ещё помянем добрым словом
Всех не вернувшихся с войны,
За ними никакой вины.
Но что мы скажем детям, вдовам
Своих товарищей былых?
Остаться не легко в живых».

XVII

— Да, это так, — продолжил кто-то, —
Вся жизнь — случайностей череда.
Такая выпала работа,
А то, что живы, — не беда!
«Да ты у нас большой философ.
В бою раз, два — и нет вопросов:
Не соберёшь в момент костей.
Всё в жизни проще, корифей! —
В момент раздухарился Климов²,
Прибавив так: — Гуляй, братва,
Нам нынче всюду трын-трава,
Из нас — *один чёрт!* — херувимов
Не выйдет, видно, никогда,
А песню сбавать есть нужда...»

Эх, гуляем, братцы!..
(Песня-предупреждение)^{XVII}

Не судите строго
Пьяного Ивана,
Я ведь очень добрый
С пятого стакана.
А с шестого сразу
Становлюся буйным,
Опосля седьмого —
Шибко богохульным.
А с восьмого кряду
Запою я песни,

Опосля какого?.. —
В пляс пойду, хоть тресни.
Но ещё, коль сдюжу,
Всем напомню святцы,
А раскрою душу —
Разбегайтесь, братцы.

☞ *Привев:*

Если поутру мне
Плесканут рассола,
Так не будет вовсе
Драк и произвола,
Ведь чего ругаться
Нам на самом деле,
Если стало легче
На душе и в теле?

Редко пью, но метко —
С радости да в стужу,
И когда бываю
Никому не нужен.
Так чего браниться?
В брани проку нету,
Говорю вам это
Чисто по секрету.
Не пеняйте больно
Поутру Ивану,
Хоть накуролесил
Я немало спьяну:
Даже если ваша
Покосилась хата,
В этом только водка,
Водка виновата.

Привев. ☞☞☞

...Эх, гуляем, братцы,
До конца недели!

XVIII

Ещё налили, накатили
Водяры, спирта, коньяка —
Искали истину в этиле
Бойцы спецназа ВЧК.
Опять же грушникам — на жалость —
Чего-то там, на дне, осталось:
Что комитетчикам — всегда,
Армейцам — только иногда.
Гэ-Бэ всегда к начальству ближе,
А с армией народ един,
И нету с этого причин,
Чтоб печься об её престиже.
И всё же слава КГБ! —
В любви признаюсь ФСБ.

XIX

Да, занесло немного, братцы,
Но автор сам — простой солдат,
Могёт чуток перестараться,
Чтоб полицейских спецребят
(И без намёка на учтивость)
Одёрнуть малость за болтливость:
Увы, позднее станут врать*,
Что лишь они сумели взять
Тот самый <долбанный...> Амина
Дворец с названием Тадж-Бек,
Хотя одним-то им вовек
Не поддалась бы та махина.
А впрочем, о войне без врак —
Не повесть, натуральный брак.

* «Вымпел». Группа специального назначения КГБ СССР. Факты, воспоминания, свидетельства, судьбы. — М., 1997; Русские командос. — М., 1999. №1; многое другое.

XX

Суворов тоже нолик лишний
Дорисовать в рапóрте мог —
Навряд ли с этого Всевышний
К нему был чрезвычайно строг.
И матушка Екатерина
Не гневалась с того почина,
Он по душе был ей самой:
«Пускай приврёт чуток герой —
С фантазий не убудет славы».
Ну а Мюнхгаузен барон?
Как послужил в России он,
Погарцевал драгуном бравым,
Так в русском воинстве набрал
Отменных баек арсенал.

XXI

Ну ладно, что ещё об этом, —
Тут меру тоже надо знать,
А то подумают, *с приветом...*
Сказитель сам: коль много врать,
Так это, <блин...>, себе дороже.
Поэтому придержим вожжи,
Чтоб кто-то в тех грехах и нас
Не упрекнул за сей рассказ.
История — не та работа,
Чтоб в ней являть кому-то месть.
Сие желательно учесть,
Не то дождёшься эшафота:
Схлопочешь в ухо гонорар,
Чтоб лучше фильтровал базар.

XXII

А докопаешься до сути,
Желая правде послужить,
Так тоже недовольны люди,
И это — к бабке не ходить:

«Ату, ату его отсюда!
Завёлся тут ещё зануда.
Нам нужен классовый подход
Иль что-нибудь наоборот,
Да так, чтоб гладенько, без пыли.
Комфортнее и веселей:
Гламурных жажем новостей,
А истину... — мы не просили».
Возможно, автор здесь не прав:
У наших граждан лучше нрав.

XXIII

На вилле Швец, у печки стоя,
Печально думал о своём,
Как, все пройдя горнила боя,
Погибнуть мог уже потом.
Тогда с Колесником, «Скворцовым»,
Они помчали в «мерсе» новом
В посольство наше на доклад,
Хотя могли заехать в ад:
Лихой боец — десантник хренов,
Сказать коль прямо, — <конь... > в пальто! —
Из пулемёта по авто
Всандалил очередь с колена,
Мол, не услышал ни отколь
Секретный отзыв на пароль.

XXIV

Зияли в двигателе дыры.
Да, кучно положил — талант! —
И без царапин командиры.
Но тут вмешался лейтенант,
Стал заступаться за солдата,
О чём-то бляя виновато.
Не сдюжил Швец — влепил в пятак:
«Поганец, мать твою растак!»
«Скворцов» заметил, мол, спасибо,
Что не попал в салон боец:

Иначе б всем настал <трындец...>!
Швец покривился с недосыпа,
Потом зевнул, махнул рукой
И лейтенанту: «<Хрен...> с тобой!»

XXV

Увы, случается порою:
Пройдёшь военную страду
И в ожидании покою
Нежданно попадётся в беду.
«Всё это — совпадения, что ли?
Людской предназначенья доли?» —
Так размышлял, должно быть, Швец.
Потом решился наконец,
Поддавшись общему почину,
Сказал: «И я, друзья, спою
Сейчас про Родину свою,
Про „ридну нэньку” Украину».
Он взял гитару и запел
Проникновенно, как умел...

Старая песня Дикого поля^{XVIII}

Коль Отчизна — злая доля,
Жизнь разбойная милей,
Поле Дикое — мне воля,
Жизнь казацкая родней.
Слободская Украина
Беглым русичам — броня,
Ты прими меня как сына,
Дай мне шашку и коня.

На крутом взошёл я тесте,
Закалён в лихом бою,
Отслужу тебе по чести
И за веру постою.

Лишь бы волюшки напиться, —
Никаких не надо злат:
Мне сестрицею волчица,
Ворон чёрный мне не брат.

Дело злое боевое —
Не постылый барский гнёт,
А житьё-быльё степное
Слаще царских всех щедрот.
Мне и сгинуть в жаркой сече
Лучше вольным казаком,
Чем склоняться недалече
Под боярским батогом.

Коль Отчизна — злая доля,
Жизнь разбойная милей,
Поле Дикое — мне воля,
Жизнь казацкая родней.
Там, где воля, — не чужбина
И не мачеха, а мать.
— Рідна ненька Україна! —
Так тебя я стану звать. IIII

...Рідна ненька Україна! —
Так тебя я стану звать.

XXVI

Тут вспомнил вдруг о доме каждый
От песни немудрёных слов.
Сраженья гром утихнет страшный —
И тянет вновь под отчий кров,
Туда, где ждёт очаг семейный;
Куда билет свой лотерейный
Ты вытащил, постигнув бой:
Подранен малость, но — живой.

Глядишь, и орден засияет
Звездой яркой на груди,
Хотя постой-ка, погоди:
Никто об этом не узнает —
Приказ не помнить был о том,
Что здесь случилось под огнём.

XXVII

Взята у каждого подписка,
Мол, позабыл всё навсегда:
Не подходил к Тадж-Беку близко,
Да и в Кабуле никогда
Не доводилось находиться,
А штурм дворца — то небылица,
Полнейший и зловредный бред,
На нашу партию навет.
Она подобными делами
Не занимается совсем —
Других достаточно проблем.
И ниже росчерк под словами:
«Залогом — жизнь за сей секрет,
Даю молчания обет!»

XXVIII

Ту клятву соблюдали долго
(Здесь забегаю наперёд):
Вполне хватало чувства долга,
Пока не прѣбил подлый год,
Союз в котором развалили.
Тут о подписке позабыли,
И началась такая хрень —
Мозги свихнутся набекрень.
Насочиняли тут чекисты,
Явивши неразумный пыл

(О чём я прежде говорил),
Затем писаки-борзописцы*
В огонь подлили масла тож,
И без пол-литра — <хрен...> поймёшь.

XXIX

Быть может, резок автор слишком:
Ну наломали малость дров,
Ну кто-то, оскудев умишком,
Сболтнул в горячке лишних слов,
И всё... А дальше больше лада,
Чтоб не подпортила досада
Баллады этой мерный ход.
Согласен! — Оплатите счёт,
И продолжаем вместе тему:
Расставив точки все над «і»,
Из этой выйдем западни.
Ну вот... — решили ту проблему:
Спокойней стало на душе
На новом сказа рубеже.

XXX

Петрович тоже был на вилле,
Немного выпавши в астрал,
Поздней друзья уговорили,
Чтоб стих экспромтом накропал.
Сказал герой наш: «Без вопросов.
У нас когда-то пел Утёсов
Про то, как Дудка-атаман
Концы отдал от жутких ран,
Сбежав с одесского кичмана³.
Размер подправлю я чуть-чуть,

* *Мальшев В.* Как мы брали дворец Амина // *Спутник*/ 1991. № 6; *Гриневский О.* Как мы «брали» Афганистан // *Литературная газета*, 2 августа 1995 г.; многое, многое другое.

Сюжет (понятно дело) — муть:
На тему напишу Афгана».
И через пять иль семь минут
Он выдал обществу сей труд...

 Сослали до Афгана
(Песня спецназовская
почти правдивая)^{XIX}

Нас прямо из кичмана
Сослали до Афгана,
Сказали, шо тут год зачтут за шесть*.
Прощай, Одесса-мама,
Меняется программа:
На <тухес...> приключений много здесь.
Товарищ мой, товарищ,
Бабла тут не наваришь:
Здесь будут нас немножко пострелять.
А коли аманины,
Набей в наган маслины
И финку обойми за рукоять.

В похмельном злом угаре
Мы дрались в Кандагаре —
Душманов на портянки рвали враз.
Сражались в Герате,
В Кабуле тоже, кстати,
За шо зовут нас запросто — «спецназ».
Товарищ мой, товарищ,
Иди в огонь пожараиц,
А я, как решето, прострелен весь.
Случится быть в Одессе,
Зайди там на Пересыпь
И передай мамане злую весть.

* В годы Великой Отечественной войны месяц службы в штрафном батальоне засчитывался за шесть, а в других частях — за три.

В Чабановской малине
Скажи моёй Ирине,
Шо друга верного пушай не ждёт:
Погиб, мол, на чужбине
В штрафбатовской дружине,
Когда шёл в полный рост на пулемёт.
Товарищ малахольный,
Страждать мине так больно.
За шо ж мы проливаем нашу кровь?
Они же там пируют,
Они же там жируют
И шлют на смерть не родных сыновьяв. ≡≡≡

...Они же там пируют,
Они же там жируют
И шлют на смерть не родных сыновьяв.

XXXI

Народ взбодрился от музона.
Да что уж там, коль Сталин сам
(Знаток тюремного жаргона
И каталажных мелодрам)
Любил потешить слух куплетом:
Он слыл большим авторитетом
Не только как сиделец зон,
Но как пиит... Ценил шансон.
Входили в главы хрестоматий
Его лиричные стихи,
Ну а бандитские грехи —
В анналы дерзких предприятий.
Пропал великий в нём поэт,
Как Ёся в руки взял кастет.

XXXII

Его товарищ по неволе —
Известный анархист Махно —
Пел о людской тяжёлой доле.
Сам сочинял, хотя в кино

Он был представлен как придурок
И атаман отпетых урок.
На деле — многое не так:
Немало нынешних писак
Мог Нестор запихнуть за пояс.
А вывод с этого простой,
Коль не хотите геморрой,
О тихой жизни беспокоясь,
Так обеспечьте, чтоб поэт
Имел достойный соцпакет.

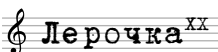
XXXIII

Примером кто? — Ю. В. Андропов:
Мог сам сварганить мадригал.
Глава лубянских филантропов
Имел большой материал
На диссидентов-стихотворцев,
Литературных ратоборцев
На «чисту воду» выводил,
Чтоб зря не тратили чернил.
И, проводя сии зачистки,
Сплавлял отдельных за кордон,
Но из любви к искусству он
Оставил «право переписки».
А раньше было проще: «Стройсь!
И со святыми упокойсь...»

XXXIV

А впрочем, что я про поэтов
Завёл никчемный разговор,
Когда с кабульских минаретов
Уже кричат наперебор
Свои молитвы муэдзины,
Бодря уснувшие долины?

«Аллах акбар! — речёт Восток. —
А Магомет — его пророк...»
Так правоверные в Афгане
Встречали русский Новый год —
У них другой счисленья ход.
Чем отвечали им славяне?
Молитвою — запрещено!
И песня выплыла в окно...

 Лерочка^{xx}
(Песня спецназовская
зело лирическая)

Прямо из Одессы
Прибыли повесы
Натянуть врагов на барабан.
Храбрые, как бесы,
<По фигу...> им стрессы —
И усех заслали их в Афган.
Был среди них и Мишка,
Правильный парнишка,
Завсегда в бою шагал вперёд:
Пёрла парню фишка,
Значит, духам — крышка,
Но попал Мишаня в переплёт.

 Привев:
Лера, моя ты Лерочка,
Лера, моя пантерочка.
Лера — мамзель типажная,
Весьма продажная.

Как-то после рати
Мишка — в медсанбате,
Там его лечила медсестра.
Завсегда в палате
В беленьком халате,
А любовь для ей была игра.

Охмурила Лера
Зáраз áхфицера
И свела парнишку под венец.
После гренадера...
Спецлегионера
Вновь в Афган заслали под свинец.

≡≡≡ *Привев.*

Шмотки с интендантов,
Чеки* с адъютантов
Лера принимала за любовь.
Не щадя талантов,
С вражьих диверсантов
Мишка выпускал дурную кровь.
Отпуск – офицеру,
Прибыл на фатеру,
А в его постели генерал.
Пуля – кавалеру,
А другая – в Леру,
Загремел Мишаня в трибунал.

≡≡≡ *Привев.*

Судьи были строги,
Прокурор вёл склоки,
Но и адвокат права качал.
Смолкли диалоги,
Подвели итоги:
Оправдал героя трибунал.
Как писала пресса
Опосля процесса:
«Был у Мишки правильный мотив».
Где теперь повеса? –
Там, иде Одесса:
Прожигает свой аккредитив.

* Имеются в виду чеки Внешпосылторга СССР.

 Привет:
Лера, моя ты Лерочка,
Лера, моя пантерочка.
Лера – мамзель типажная,
<Бэ...> эпатажная,
Весьма продажная...

XXXV

Вы поняли, конечно, братцы,
Петрович выдал в этот раз
Про Мурку новенькие манцы,
Хотя про Леру вёл рассказ.
Пушай на вилле у печурки
Собрались вокруг отнюдь не урки,
Тем более, не фраера,
А бравые офицерá,
Но у любви одни сюжеты:
Измена – вечный талисман,
Без коего любой роман,
Любая драма – пустоцветы.
А коли это трафарет,
Мы не нарушим этикет.

XXXVI

«Сокрыто прошлое вуалью...»
Обычай давний на Руси –
Грустить высокою печалью,
Хоть будь ты по уши в грязи.
Случится, кровь окрасит руки,
Тогда ещё сильнее муки,
Мечты о будущей любви;
О прошлой? – тоже мысль лови,
Что промелькнула в подсознание:
«Неужто было всё со мной?
Когда же к ней вернусь домой?»
И, проявляя пониманье,
Хоть ухо отдавил медведь,
Петрович стал об этом петь...

О, если бы... XXI

Всё помню, как порою юной
Я ею был заморожён,
Как на гитаре семиструнной
Играл и пел «Вечерний звон».
Паря влюблённою душою,
Я пребывал на небесах:
Она тогда была со мною,
Поздней она была во снах.

Припев:
Судьбу нисколько не виня
И доверяясь вновь надежде,
Желаю ей шептать, как прежде:
«Любовь моя, люби меня!»

Мы ритмы слушали в ту пору
Своих неопытных сердец
И, веря сплетне, наговору,
Взойти не смели под венец.
Любовь и ревность ходят вместе:
Они – две спутницы судьбы,
Что часто глядят против шерсти,
Чтоб восклицали: «Если бы!?»

Припев.

О, если бы всё по-иному
Сложилось прошлую порой!
Но отдана она другому,
Другая нынче мне женой.
И в этот час в сомненьях снова:
«О, если бы? О, если бы!» –
Три грустных произносят слова
Любви вчерашние рабы.

Припев. III

...Желаю ей шептать, как прежде:
«Любовь моя, люби меня!»

XXXVII

Пришлась по вкусу песня эта
И командирам, и бойцам.
При первых тех лучах рассвета
«Текли мёд, пиво по устам».
Казалось: «Всё: мы победили!
Коль извели здесь столько гнили,
Что завершён потерям счёт».
А вышло всё наоборот.
Но разве в том вина солдата? —
Он жив, покуда не убьют,
Не выбирает свой маршрут
И не имеет адвоката.
Его нелёгко страшный труд:
«Спокойно — русские идут!»

XXXVIII

«О, переменчивые нравы!»
Его уже во всём винят.
Но не искал он вещей славы,
Её не просит напрокат.
Приказ исполнил не из лучших?
А что, вождей гораздо худших
Судьбина больше не пошлёт?
Опять безмолвствовать народ
Наш будет в трудную годину.
Ну а солдат — он есть солдат:
Во всём, конечно, виноват.
Хотя покорную <машину...>
Чего во всех грехах винить,
Коль невозможно о с у д и т ь?

XXXIX

Петрович вспомнил об Одессе
(Был всё-таки в числе живых),
О некоем шкурном интересе —
Ну, о подружках всех своих.

А то его чуть не списали
Далёко — в праотцовы дали.
Но если снова при делах,
Для баб своих он — падишах,
А также верный раб, конечно.
И посему им всем долждён
Чего-то в дар доставить он.
Ещё, размысливши беспечно,
Сказал наш Першин без притвор:
«Хвала Аллаху — не помёр!»

XL

Явилась мысль о черноокой
Его жене — о Гульчатай,
С которою порой далёкой
Он разлучился невзначай.
Точней сказать, по воле нашей
(Шла б лучше к чёртовой мамаше!)
Разведки славной — ГРУ —
Что завсегда свою игру
Вела отчаянно, жестоко,
Не зная толики стыда,
Не сострадая никогда,
Мол, в жалости не сыщешь прока:
«Важней конечный результат!» —
При входе там висел плакат.

XLI

Напомню здесь, друзья, немного,
Что прежде первый был роман,
Где я, не подводя итога,
Поведал, как во вражий стан
Попал герой наш нелегалом
В плаще-болонье и с кинжалом.
Как за калым весьма большой
Он обзавёлся там женой.

А после был отозван срочно
В Союз без всяческой вины
Из Турции, но без жены,
Хоть чувства их связали прочно:
«Любовь агента – это ложь», –
В «стекляшке»* так считали сплошь.

XLII

Петрович помнил: здесь, в Кабуле,
Имелся кореш у него.
А коли отсвистели пули,
Так можно навестить того,
Кто состоял в посольском штате
Помощником прям в атташате
При резиденте ГРУ,
Игравшим день и ночь в буру.
Туда стопы свои направил
Товарищ Першин по чуть-чуть,
Чтоб покалякать и бухнуть
Вне уставных жестоких правил.
Нашёлся там его дружок
И коньячок, и портвешок.

XLIII

Они присели с Михаилом
(Так прозывался друг-майор)
И встречу вспырнули этилом,
Ведя неспешный разговор.
Спросил Петрович откровенно,
Мол, сможет ли всенепременно
Товарищ переслать письмо,
Коль не замечен был как ЧМО.
В ответ услышал: «Поясни-ка».
– То весточка для Гульчатой.

* Речь о здании ГРУ ГШ, т. е. «аквариуме» (по версии предателя В. Резуна).

«Выходит, в Турцию?.. Давай
Рисуй посланье, горемыка,
Но так, чтоб ЦРУ спецы
Не отыскали в нём концы».

XLIV

«Ну здравствуй, милая! Родная...» —
Петрович левою рукой
Текст выводил, себя ругая,
Когда подумал головой —
Не местом, так сказать, причинным,
Которое назвать невинным,
Конечно, было бы смешно:
Для грешных дел оно дано.
Тут Першин въехал в закавыку —
Подставить может Гюльчатай:
Не спит в Стамбуле полицай
И превратит письмо в улику.
Потом навешают собак,
В зиндан спровадят, мать растак!

XLV

К тому же данная услуга
Без всякой санкции Москвы
Таит опасности для друга:
Хоть не лишится головы,
Но, коль фортуна посмеётся,
<Хреново...> дело обернётся —
Спроведят запросто в Сибирь,
Отнюдь не в женский монастырь.
«Выходит, <блин...>, везде засада, —
Прикинул так наш персонаж, —
Вмиг припаяют саботаж
Зело особые ребята».
Посланье⁴ Першин молча сжѐг:
«Прости, прощай!» — и... за порог.

XLVI

Позднее он сходил на рынок.
Восточный многолик базар:
Всё без наездов и заминок —
Любой предложат вам товар.
Петрович выбрал, что хотелось
В пределах суммы, что имелась.
Отметил: «Тут без перемен:
Торгуют бойко, хоть те хрен!»
Порой галдели пацанята:
«Амину сделали — кирдык!
Теперь главой у нас таджик».
И разбегались дьяволята,
Как почтальоны по рядам
С разносом важных телеграмм.

XLVII

Герой наш вдруг заметил деда,
Что дервишем как будто был.
Вокруг того авторитета
(По виду, явно старожил
И в Мекку хадж свершил, конечно)
Сбирался всякий люд неспешно.
Помог ему встать ученик,
И начал говорить старик:
— О, правоверные дехкане,
Иные славные мужи,
К вам обращаюсь я — хаджи.
Пойдёт речь об Афганистане,
О нашей родине больной,
Где нынче свара и разбой.

XLVIII

Переглянулись люди разом:
Их душам был не чужд ислам.
Старик же, словно пред намазом,
Подняв ладони к небесам

И по лицу пройдясь руками,
Как будто бы играя в драме,
Изрёк такие вдруг слова:
— Теперь сюда пришла Москва
Полками северных гяуров,
Чтоб растоптать пуштунов честь.
Пора начать святую месть!
Ужель прицелы ваших «буров»*
Вы напрочь сбили все давно,
Ужель вам нынче всё равно?..

XLIX

Вмиг зашушукались афганцы.
Старик продолжил говорить:
«Когда случалось, чужестранцы
Нас приходили покорить,
Тогда народ наш горделивый
Являл неверным нрав строптивый.
И по обычаю всегда
Стихала меж собой вражда.
Безбожники царят в Афгане
При помощи чужих солдат.
Пора явить врагам джихад!
К единству, братья-мусульмане!»
Желая нам небесных кар,
Вскричал старик: «Аллах акбар!»

L

Ему ответили недружно:
— Аллах акбар! — «Аллах акбар!...»
Считали многие — не нужно
Пока что разжигать пожар:
Советы грохнули тирана —
Большая польза для Афгана,

* «Бур» (обиход.) — 7,62-мм английская винтовка системы Ли-Энфильда периода англо-бурской войны. В большом количестве попала в Афганистан в 1920–1930 годы. Обладала большой убойной силой и значительной дальностью стрельбы (до 3 км).

А этот подхалим Кармаль
Некроважен, хоть и шваль.
Пусть порулит пока страну:
Посмотрим, что там, да и как,
Быть может, кончится бардак —
Все поотвыкли от покою,
К тому же стоит посмотреть,
Каков тот северный медведь.

LI

«Глаза откройте, мусульмане, —
Стал снова завывать старик, —
Ислам в опасности в Афгане.
Кто не со мной — тот еретик!
Коль потекаете неверным —
Собакам лживым, лицемерным,
Так вечно вам гореть в аду!»
Вот и накликать сам беду:
Явился тут из царандою
Наряд полиции в момент,
И по доносу старший мент
Доверил старика конвою.
Вмиг прошипел ему дедок:
«Ответишь за базар, сынок!»

LII

Тут полицаи без разбора
Набросились на старика,
Прибила б деда эта свора —
Ещё б чуть-чуть — наверняка,
Но стали возмущаться люди.
Хотя хаджи желал, по сути,
Сам новомучеником стать:
«Явися, Божья благодать!»
Петрович не сдержался тоже
И, подойдя в упор к менту,

Сказал с наездом на пушту:
«Иль отгружу тебе ро роже,
Иль ты отпустишь старика!»
Опешил мент от смельчака.

LIII

«Ты кто? — вскричал «законник» резко. —
Как смеешь власти угрожать?!»
Ему в ответ Петрович веско
По-русски полиция мать
Упомянул в таком контексте,
Что не рискну я в данном тексте
Дословно приводить сейчас —
В другой скажу, возможно, раз.
Конечно, это странно было,
Но сократился вмиг жандарм,
Утратив отморозка шарм,
Сказал, заулыбавшись мило:
«Дуст шурави*, балшой привэт!
Москва, Гагарин и... балэт».

LIV

Учился он в ментовской школе
В Ростове, кажется, у нас.
И методы его оттоле,
Что здесь практиковал сейчас.
То прояснится чуть позднее,
Как разойдутся ротозеи,
Базарный поутихнет гам,
Когда Петрович — лично сам —
Поговорит уже спокойно
С тем царандоевским ментом
О том, о сём и ни о чём.
Пока ж зависло непристойно:
«Дуст шурави, балшой привэт!
Москва, Гагарин и балэт».

* *Дуст шурави (дари)* — советский друг.

LV

И что ответственность на это?
Проговорил Петрович: «Блин,
Я вовсе не люблю балета,
<Но обожаю...> балерин.
А старика оставь в покое,
И всё забудем остальное.
Иначе, как сардар Амин,
Ответишь мигом, сукин сын!»
На том сошлись: хаджи на воле.
Узнав, что русским был спасён,
Истошно разорался он:
«О, нет моей несчастней доли,
Когда заступником – шайтан,
Пришедший врагом в Афган!»

LVI

Запомнилась вся эта сцена
Герою нашему навек.
Подумал он: «Какого ж хрена
Полили кровью мы Тадж-Бек?
Пусть дальше разберутся сами
В своём отеческом бедламе.
А нам пора уже домой,
Коль завершён победой бой».
Потом вернулся он базу –
В казарму, где стоял «мусбат»,
Поздравил с праздником солдат;
Прилёг в каптёрке, тут же сразу
И отключился, и всхрапнул,
Как тот <казачий...> есаул.